

Борщоговский Александр

Фолибержер

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

Нашему замечательному другу и не менее замечательному писателю Александру Михайловичу Борщоговскому — 85! Поверить в это трудно — на лице ни морщинки, спина прямая, ездит городским транспортом, в общении с редакторами обходится без курьеров. А работает как раб, прикованный к галере, — выходят книги за книгой, переводятся на иностранные языки. Когда к нему ни обратишься — всегда что-то есть в запасе. Мы гордимся, что Александр Михайлович наш давний и верный автор. За последние десять почти лет он не раз нам первым давал отрывки из своих новых сочинений, и мы с радостью предлагали их вниманию читателей "ЭС". Прямой, неподкупно честный и совестливый человек, вечно за кого-то заступающийся, вечно погруженный в общественные дела, — таков наш друг. Сегодня он выступает на страницах "ЭС" в мемуарном жанре. Вы убедитесь, прочитав две новеллы, что Борщоговский еще и человек веселый. С днем рождения, дорогой наш Александр Михайлович!

совать просвещенных интеллигентов, знатоков французской литературы. Он завлекал Юза великими именами, историческими реликвиями острова Ситэ в центре Парижа, улицами, переулками, тупиками, домами, связанными с жизнью энциклопедистов, с Кондорсье, с памятным местом Дидро или Вольтера.

В ажиотаже Юз вскидывал сильные руки: не то! Все не то! — браковал он предложения Познера. — Все это затертые древности, эдакий курс истории для бедных студентов! Мы не дети! Нам бы ощутить жизнь, запах жизни! Биение жизни современной, черт побери! Неужели не понима-

Что стряслось в Париже с Владимиром Поляковым, остроловом не робкого десятка? Отчего он, отважно просидев в компании с Юзом, первую парижскую ночь за столиком у входа в нашу гостиницу, постучался панически мне в номер, переполошившись предстоящим визитом к нему редактора журнала "Нувель литерер"?

Литературный ежемесячник только что опубликовал (в переводе на фран-

ропись, Соломонович, на суд и расправу.

Наш трусливый страж избегал беседы, он попросил Тамару Мотылеву помочь Полякову, если понадобится, с переводом. Володя в отчаянии наблюдал, как непредвиденная встреча оборачивается "международным приемом"; и один за другим появляются любопытствующие туристы. Так и быть, решал Поляков, пусть

все видят, что ему нечего скрывать, что он при нужде постойт за честь и достоинство советской литературы. И уж во всяком случае, не спросит о гонораре, даже если разболится сердце. А если ему будут нагловать франки, — с них, с этих парижан, станется! — он прикажет передать гонорар сиротам Вьетнама или какой-нибудь африканской страны, потерпевшей от французов.

— Мы были рады опубликовать ваш рассказ, — сказал редактор. Свиная физиономия Полякова его не смущала: кто не знает, как мрачны бывают в жизни именно сатирики и юмористы. — Рады были предложить ваш рассказ французскому читателю.

— Благодарю вас. Но я не вполне понимаю, какую цель преследовало при этом ваше издание?

Редактор охотно объяснил: — Этот номер журнала весь русский. Мы хотели представить все жанры современной русской литературы.

— Но почему избран мой рассказ? — недоумевал Поляков. — Почему именно этот?

Редактор взглянул на пришедшую с ним переводчицу: не путает ли он, точно ли переводит? Она подтвердила кивком. — Рассказ показался нам достойным.

— Неужели вы не нашли более сильной вещи? — почти всхлипнул Володя. — Наша литература достаточно богата.

— Нам понравилась именно ваша новелла.

Не хочет ли он противопоставить меня всей советской литературе, ужаснулся Поляков. Знаем мы эти штучки! Но я ему этого не позволяю.

— У нас есть и более талантливая проза, — ныл Поляков. — И авторы более сильные. Как жаль, что на Западе плохо знают советскую литературу.

— У прозы, которая гордится Николаем Гоголем и Михаилом Зо-

ешь?!
Сегодняшний натуральный Париж!

Бедняга Познер, еще не расставшийся с энциклопедистами, — не понимал.

Хорошо понимал изнемогий от задушенного смеха Поляков, он и меня позвал без особой нужды, чтобы я насладился эстрадным представлением, которым охотно предавались Старики Хоттабычи. Кажется, они состоялись: кто первым дрогнет и назовет одно из значных мест "настоящего Парижа".

Не утерпел Юзовский, сообразив, что у Познера, с его эрудицией, надолго хватит французских знаменитостей, их адресов, священных уголков тысячелетнего Парижа — Лютеции.

— Хорошо! Ладно! — воскликнул Юз. — Ну, например, "Фолибержер"! Да! Да! "Фолибержер". Почему бы нам не посетить "Фолибержер"? Нашей нравственности ничто не угрожает. Любый шантан!

— "Фолибержер"? — переспросил сраженный Познер, словно его окатили помоями из кухонного окна. — "Фолибержер"?

Воцарились тишина. После мучительной паузы поникший Познер сказал:

— Не знаю, право, не знаю. Я прожил в Париже всего полвека, мне недосуг было заглянуть в "Фолибержер". Говорят — бездарное зрелище, дурацкий аттракцион для богатых американцев. Увольте — не знаю.

Поляков неслышно застонал.

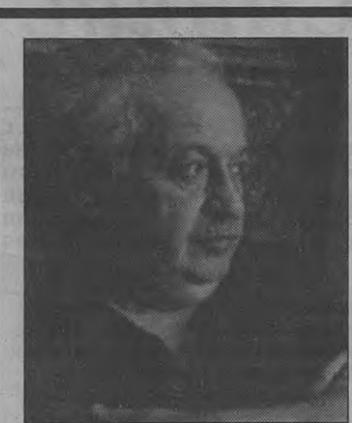
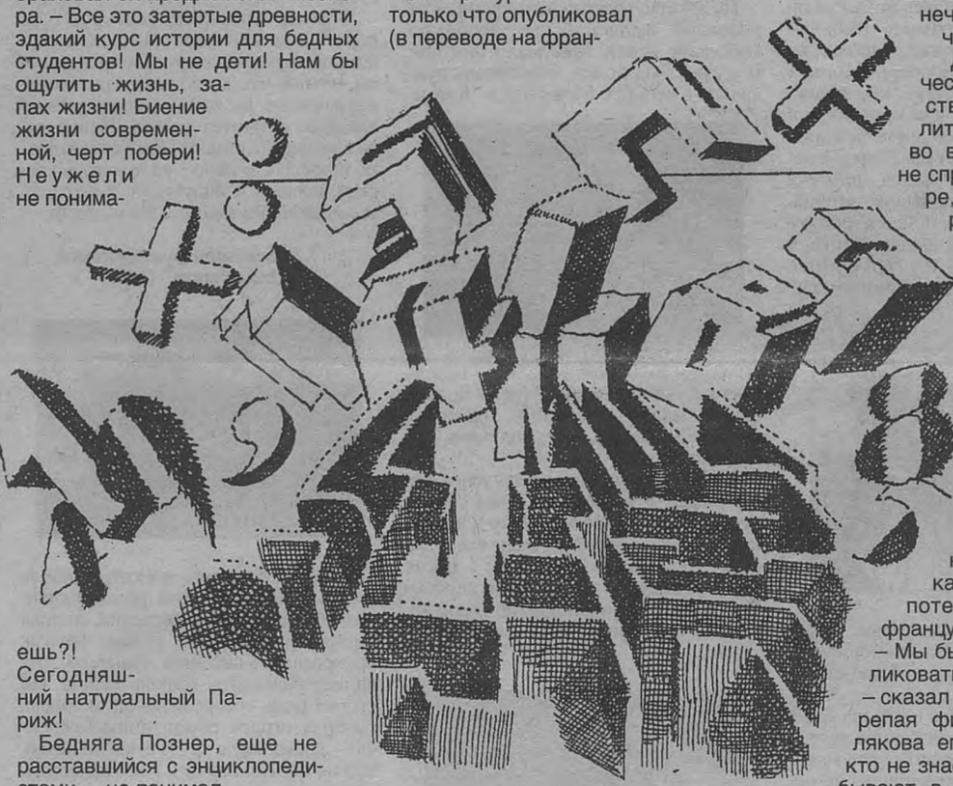
русский) юмористический, с оттенком сатиры, рассказ Полякова. Еще в Москве Владимир опасался невеселых, в духе времени, неожиданностей, — вплоть до исключения его из списка туристов. В ту пору еще терзали и свежесвали Зоценко, и Поляков, перечитав объявленный антисоветским рассказ Михаила Зоценко, понимал, что отныне любая комическая новелла может быть объявлена антисоветчиной, если того пожелает начальство.

Рассказ Полякова публиковался в Москве, не вызвал критики, однако, появление его во французском журнале могло послужить поводом для разнузданной травли, учитывая, что французский перевод появился именно тогда, когда Поляков оказался в Париже, словно он в сговоре с редакцией и согласовал свой приезд с ними.

Владимир попытался грубо улизнуть. Но у входной двери его прихватил за локоть некто Анатоль, наш лубянский страж, а в туристском просторечии — "искусствовед в штатском".

— Куда это вы, Владимир Соломонович? — удивился он. — Вас ждут в холле, на втором этаже. Поторопитесь.

Пришлось вернуться. Юз проводил его молчаливым скорбным жестом: иди, мол, голубчик, пото-

Самая примечательная пара в нашей туристской группе, с начала поездки во Францию, была окрещена звучным именем "Старики Хоттабычи". Это неразлучные Иосиф Юзовский (кличка — Юз!) и сатирик, комедиограф Владимир Поляков. Они не уставали беседовать вполголоса, смешить друг друга, и все это в мягком, спокойном регистре, все со странным ощущением отдельности их ото всех нас: мимолетности, случайности их присутствия в автобусе. И то, что им интересно друг с другом, и загадочный, неразличимый разговор, и минуты молчания, когда, откинувшись на спинку сидения и опустив веки, они обдумывают только что оборвавшийся разговор, — все привлекало нас. Мы прислушивались в надежде уловить нечто умное и смешное, прикоснуться к их нестандартной жизни.

Еще в моей довоенной киевской молодости Иосиф Ильич Юзовский как блестящий театральный критик был для меня едва ли не кумиром, — знакомство с ним в Москве прибавило интереса к его личности.

На третий день парижской жизни ко мне с женой в гостиничный номер ввалился взволнованный Поляков с просьбой немедленно прийти в их с Юзовским комнату.

— Прошу вас, Саша! Очень прошу! Поторопитесь! У нас с Юзом гость — чужой человек. Пришел и сидит. — Он заговорил сбивчиво, сумбурно, мастерски изображая паническое состояние. — Я хочу, чтобы вы послушали, это важно!

В тесном номере Хоттабычей действительно оказался гость — русский парижанин с превосходным питерским произношением. Одет он был с неприязнительностью, какая отличает незабываемых своей внешностью и не слишком достаточных интеллигентов. Немолодой, бледнолицый, со следом свежего, неотошедшего пореза, — он изредка подносил носовой платок к опущенному, влажному от набегающей слюны уголку рта. Он сидел в полукресле: утихомирившийся Поляков рядом, а Юз метался по номеру, присаживаясь на невысокий подоконник и тут же соскакивая с него.

Нас познакомили. Мое имя ничего не могло сказать гостю, зато я, расслышав фамилию — Познер! — легко связал ее с Россией, с Петроградом и литературной эмиграцией, с Серапионовыми братьями, с недавним взрывом пластикового пакета в редакции левого парижского издания — покушения, след которого и держался на лице Познера.

Неоднократный гость Москвы и Ленинграда, Познер знал Юзовского, и теперь Юз выматывал из него душу, требуя совета, как нам, московским провинциалам, увидеть "Настоящий Париж? Понимаешь? Париж! Париж!"

Познер изнемогал. Он перебрал достопримечательности города, неведомые обыкновенным туристам места, полузабытые, на любителя, на знатока подробности, которые могли бы заинтере-

Экран и сцена —

10.98